

РУССКАЯ ДРЕВНОСТЬ И ФОЛЬКЛОР В ПОЭЗИИ БУНИНА

Сообщение Н. П. Смирнова*

1

В «Жизни Арсеньева» есть глава, повествующая о том, как герой, еще подростком, рассматривая рисунки к «Дон-Кихоту» и ко «Всемирному путешественнику», не только представлял, но как бы вспоминал и средневековые замки Европы, и бедные полинейские хижины: «У меня не выходили из головы замки, зубчатые стены и башни, подъемные мосты, латы, забрала, мечи и самострелы, битвы и турниры. <...> Эти узкие пироги, нагие люди с луками и дротиками, кокосовые леса, лопасти громадных листьев и первобытная хижина под ними — все чувствовал я таким знакомым, близким, словно только что покинул я эту хижину, только вчера сидел возле нее в райской тишине сонного послепопуденного часа»¹. Эта предельная напряженность воображения, сказавшаяся в детские годы, приобщила Бунина-художника к жизни всех времен и народов: «я шаг за шагом совершал весь бесконечный путь „бытия“ человечества во всех временах, всеми народами, бесконечно чувствовал бытие и свое собственное Я <...>»².

Эсхил, Самсон, Прометей, Джордано Бруно, Александр Македонский, библейские, иранские и халдейские мифы, Апокалипсис, Люцифер, — какое обилие исторических имен и событий в его стихах, и какая за всем этим органичность, острота проникновения и незабываемая поэтическая мощь!

Однако художник, умевший мыслить в мировых категориях и масштабах, был прежде всего глубоко национальным писателем, одаренным на редкость острым чувством родной истории, родной древности в ее самых разнообразных проявлениях.

В одном из черновых набросков к «Жизни Арсеньева», он писал: «Там, в древности <...> были Святополки и Игори, печенеги и половцы, — меня даже одни эти слова очаровывали, — потом века казацких битв с турками и ляхами, Пороги и Хортица, плавни и гирла Херсонские... томился я мечтами обо всем этом, сидя в Харьковской библиотеке за „Думами“ Драгоманова, первым изданием „Слова о полку Игореве“. „Слово“ особенно сводило меня с ума...» А среди бумаг совсем еще юного Бунина сохранилась записка, сделанная им после первого посещения Кремля: «Церковь Спаса-на-бору. Как хорошо: Спас-на-бору! Вот это и подобное русское меня волнует, восхищает древностью, моим кровным родством с ним...»³.

Из этой кровной слиянности с национальным прошлым возникали бунинские стихи о древней Руси.

Этим стихам присуще не только живое чувство прошлого, но и его живописное восприятие:

На гривастых конях, на косматых,
На златых стременах, на разлтых
Едут братья, меньшой и старшой...

Здесь уже в самом ритме слышится вольный бег коней (1,386).

Бунин с одинаковой живописностью передает и «великий стан» орды «за степью, в приволжских песках», и битвы за родную землю. Вот картина смерти древнерусского воина в бою:

* В сообщении частично использован доклад, прочитанный в секции народного творчества Союза писателей СССР и охватывавший как стихи, так и прозу Бунина.

БУНИН

Фотография, 1915]

С дарственной надписью:

«Д. Л. Тальникову Ив. Бунин.
28.VI.1915»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

Воткнув копьё, он сбросил шлем и лег.
Курган был жесткий, выбитый. Кольчуга
Колола грудь, а спину полдень жег...
Осенней сущью жарко дуло с юга.

И умер он. Закостенел, застыл,
Прижав к земле тяжелой головою.
И ветер волосами шевелил,
Как ковылем, как мертвою травою.

(1,180)

В другом стихотворении поэт как бы на языке торжественной саги утверждает бессмертие патриотического подвига наших предков:

Прошли века, но слава древней были
Жила в веках... Нет смерти для того,
Кто любит жизнь, и песни сохранили
Далекое наследие его.

(1,159)

Превосходно изображал Бунин и древнерусский быт. Как жутко, например, предощущение казни хмурым туманным утром:

Туманно солнце красное, туманно,
Кровавое не светит и не греет
Над мутными, над белыми лесами,
Над росными болотами, лугами...
Орите позвончее, бряючи!

(1,378)

Стихи Бунина о древней Руси, неизменно реалистические и тематически разнообразные, оставляют такое же впечатление, как музей, где собраны подлинные памятники прошлого. Они свободны от всякой стилизации.

2

Народное творчество, непрерывно изменяющееся вместе со временем, но никогда не теряющее своей внутренней красоты, нашло самое разнообразное отражение в нашем искусстве. В музыке это влияние чувствуется и в «Сказании о граде Китеже» Римского-Корсакова, и в «Первой симфонии» Рахманинова, сплошь овеянной чарами дремучих новгородских лесов, и в «Весне священной» Стравинского, уводящей воображение в языческую древность с ее хороводами и величаниями, плачами и гаданиями. О могучем воздействии фольклора на живопись достаточно говорит творчество таких художников, как Нестеров, Врубель, Рерих. Еще сильнее ощущается сила фольклора в нашей литературе, — достаточно вспомнить Пушкина и Толстого, Гоголя и Аксакова, Лескова и Мельникова-Печерского, Ремизова и Припвина.

Бунин — один из самых «фольклорных» писателей классического круга.

Фольклорный образ широко чувствуется и в его пейзажных и в жанровых стихах. Однако это никогда не нарушает их строго реалистического характера, поскольку подлинный реализм вбирает, впитывает в себя самые разнообразные творческие элементы, в том числе сказку и романтику, используя их как приемы живописности.

«Листопад» — одна из самых замечательных поэм о природе в русской поэзии: это подробная, безупречно поэтическая панорама русской осени от ее начала до исхода, от первых цветных листьев до белой пороши. Вместе с тем поэма заметно тронута налетом сказочности, который заставляет ее узорно светиться, как светится разноцветный осенний лес.

«Листопад» — образец высокой реалистической поэзии, созданной в какой-то мере на основе фольклора. Осень олицетворена здесь в виде «тихой вдовы», что наполняет поэму теплом человечности; лес описывается то как «терем расписной», то как «ледяной чертог», где происходят дивные дива: ворожит упавшая сова, «зеленым огнем» сверкают «волчьи очи», резвятся на первом снегу соболя, горностай и куницы, а на морозном небе встает «звездный щит Стожар».

Тот же фольклорно-сказочный пейзаж встречается и во многих других стихах. Дикое, заросшее бурьяном поле, одинокий крест, на кресте — черный ворон, несколько дорог, пророчащих несчастья и беды:

Дремлет полдень. На тропах звериных
Тлеют кости в травах. Три пути
Вижу я в желтеющих равнинах...
Но куда и как по ним идти?

[(1,125)]

Но если в этом диком поле «жизнь зовет, а смерть в глаза глядит», то в сумрачном ельнике, у «позабытого скита», обитает сказочная «серо-аспидная» птица Вирь —

Она так жалостно поет,
С такою нежностью глубокой,
Что, если к скиту забредет
Случайно путник одинокий,

Он не покинет те места:
Лес молчаливый и унылый
И скорбной песни красота
Полны неотразимой силы!

(1,125)

Поэт часто возвращается в этот полусказочный лесной мир и еще чаще воспроизводит в своей поэзии образы народных сказок и поверий. Вот, например, «веснянка»,

наполняющая сердце болью разлуки с весной и с любимой, вот «северная березка» — деревенская девушка «в зеленых лентах», вот «Каменная Баба» в знойной степи, — нечто первобытно грубое и дикое, — «исчадие древней тьмы», по выражению поэта.

А вот излюбленные образы народных сказок — «Баба-яга», «Колдун», «Аленушка» — и как точно выдержан здесь весь сказочный колорит, как чудесно передана народная образность, достигаемая чисто реалистическими приемами и средствами:

Гулкий шум в лесу нагоняет сон —
К ночи на море пал сырой туман.
Окружен со всех с четырех сторон
Темной осенью островок Буян.

(1,311)

На этом заброшенном островке, в «холодном срубе», живет Баба-яга, около «сруба» — огромный «бурый дуб», «под которым смерть закопал Кащей». Яркая, до конца выдержанная сказочность!

Столь же сказочно ярок и графически четок рисунок в стихотворении, первоначально называвшемся «Колдун»:

В мелкоколье пело глухо, строго,
Вместе с ночью туча надвигалась,
По кустам, на тучу, шла дорога,
На ветру листва, дрожа, мешалась...
Леший зорко в темь глядел с порога.

(1,316—317)

В фольклорных стихах Бунина немало образов природного живописного мира, — «Великий Лось», вставший «превыше звезд», «Белый Олень» с золотыми рогами, мертвый, таинственный Сапсан, алмазный от инея, глухие, колдовские ночи, грозы и молнии, раскрывающие леса, «точно древние своды во храмах пещерных, в подземельях Перуна, высоких и черных», русальные игрища под Петров день:

Девушки-русалочки,
Стойте, поглядите на рассвет:
Бел-восток алеет, ширится,—
Широко зарей в полях,
Ни души-то нету, милые,
Только ранний алый свет
Да холодный крупный жемчуг
На стеблях...

(1,265)

Здесь замечательно все — и предельное перевоплощение в языческий мир, и глубинное чувство природы, — уже одна строчка «широко зарей в полях» дает почувствовать неоглядный равнинный простор, — и певучая, обусловленная содержанием, звонкость и легкость стиха. И самое главное: ни грана стилизации, которой отличались подобные стихи у Клюева или Городецкого.

Можно было бы привести немало других стихов, написанных под воздействием фольклора, но думается, что и приведенные с достаточной убедительностью подтверждают, насколько глубоким, сильным и благотворным было это воздействие в поэзии Бунина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Собр. соч. 1965—1967, т. 6, стр. 35—36. — Далее при ссылках на это издание том и страница указываются в тексте.

² Эту и следующую цитаты из черновики к «Жизни Арсеньева», хранящихся в ЦГАЛИ. любезно сообщила мне О. В. Сливцкая.

³ «Жизнь Бунина», стр. 71.